

Международная научная конференция
«Прогностические механизмы культуры: славянский мир»
Институт славяноведения РАН

Аннотации и тезисы докладов

Анна Вячеславовна Амелина (Москва)

Прогностика в антиутопиях Яна Вайсса

Доклад посвящен творчеству одного из основателей чешской научной фантастики Яну Вайссу, который в своих антиутопических фантазиях межвоенного периода предвидел далекоидущие последствия современных ему политических и исторических процессов, создав образы объединенной Европы и предсказав газовые камеры нацистов, а его опасения по поводу утопичности идей чешских легионеров обоих лагерей нашли свое подтверждение в чешской политике и культуре межвоенного периода. Позднее, в 1950–1960-е гг., создавая социалистические утопии, Вайсс вновь пытался предсказать последствия их реализации для человека, однако идеологические цензурные ограничения увели проекции писателя далеко от реального будущего.

Екатерина Викторовна Байдалова (Москва)

(Не)сбывшееся пророчество: «конкордизм» В.К. Винниченко.

В докладе будут рассматриваться история создания и основные положения этико-философской концепции «переустройства» мира, созданной неординарным украинским политиком и писателем В. К. Винниченко в 1920–1930-е годы. В ее основе – утопическое представление о том, что формирование нового международного и общественного порядка возможно на принципе добровольного согласия между странами, гармонии между человеком и обществом, человеком и природой, которые могут быть достигнуты лишь при условии внутренней гармонии каждого человека. Для обретения такого состояния писатель предлагает следовать определенному своду правил, содержащему как моральные установки, так и медико-биологические технологии.

Денис Георгиевич Вирен (Москва)

«На серебряной планете»: роман – экранизация – фильм о фильме

Первая часть «Лунной трилогии» польского фантаста Ежи Жулавского получила название «На серебряной планете» и была опубликована в 1903 году. Эта книга считается одной из основополагающих в жанре научной фантастики не только в польской, но и в мировой литературе. В середине 1970-х годов двоюродный внук писателя, режиссер Анджей Жулавский вернулся в Польшу из французской эмиграции, чтобы экранизировать роман. Постановка должна была стать блокбастером, каких прежде не снимали в «восточном блоке», однако в конечном счете съемки были прерваны, материал арестован, а Жулавский вновь уехал

из страны. Наконец, в 2021 году польский киновед и режиссер Куба Микурда снял документальный фильм «Побег на серебряную планету», в котором реконструировал историю создания легендарной полочной ленты. С чем связан повышенный интерес к этой истории, придуманной в начале XX века? Почему ее актуальность сохраняется по сей день? Доклад будет попыткой ответить на эти вопросы, а также проанализировать особенности поэтики экранизации Жулавского.

Ирина Александровна Герчикова (Москва)

«Одинокая глыба» Якуб Демл и самая трагическая чешская книга

Якуб Демл (1878–1961) – чешско-немецкий прозаик, поэт, переводчик, католический пастор, религиозный мыслитель, яркий представитель европейского авангарда. Имя этого парадоксального автора звучит магически в чешском литературном и культурном сознании: все о нем знают, но для одних он великий провидец и объект абсолютного восхищения, для других – символ вседозволенности на грани патологии. Демл, не отличавший реальность от творчества, интимную жизнь от общественной, выражал свои взгляды предельно откровенно, успев одинаково воспеть и очернить все, с чем он встречался в жизни. Он написал 135 книг, многие из которых впервые были изданы 30 лет после смерти автора. На раннее творчество и выбор стези священника повлиял поэт-символист Отокар Бржезина, первый чешский кандидат на Нобелевскую премию. Демл также испытал влияние экспрессионизма и сюрреализма. К «апокалиптическому реализму» относят критики произведения раннего творческого периода – «Замок смерти» (1912) и «Пляска смерти» (1914). Особенно выделяется его философско-поэтическая проза «Забывтый свет» (1934), названная Романом Якобсоном «самой трагической чешской книгой». Это провидческое чутье, отчаяние Демла от абсурдности смерти, жестокости судьбы, абсолютная искренность, с которой он говорил о боли и чувствовал себя проклятым как чешским, так и немецким народами. Конфликт между чувственностью поэта и его католическим саном в этой книге дошел до крайности и затронул сами основы христианской веры Якуба Демла, как назвал его Б. Фучик, – «одинокой глыбы чешской литературы».

Наталья Витальевна Злыднева (Москва)

«Страшен Дионис в России»: о переключках символизма 1910-х годов и экспрессионизма 1920-х в русской/советской живописи (к проблеме прогностической функции искусства)

В докладе речь пойдет о малоизвестном круге произведений т. н. советского экспрессионизма 1920-х годов, в котором представлены мотивы страдающего тела и насилия. На основе сравнительно-типологического и интертекстуального анализа семантики и композиций делается вывод о связи этой живописи с архаической символикой и традиционной иконографией, разрабатывающих сюжеты предчувствия катастрофы. Обращение к архаике и ряд стилистических признаков этого искусства указывают на след символизма в искусстве 1920-х годов как культурной памяти эпохи, что с необходимостью влечет за собой и актуализацию исторических параллелей.

Евгений Вячеславович Камынин (Ростов-на-Дону)

«Ленинград» М. Я. Козырева – случайное предсказание или обдуманый прогноз?

1920-е годы для Советского государства были десятилетием, богатым на различные прогнозы и размышления насчет государства нового типа, насчет путей развития нового, социалистического общества. Самым ярким примером здесь является роман Е. Замятина «Мы», однако были и другие, менее известные произведения, которые, тем не менее, представляют интерес. Одно из таких произведений – повесть «Ленинград», написанная Михаилом Козыревым в 1925 году. В повести описывается путешествие рассказчика из дореволюционного Петербурга в советский Ленинград 1951 года, скорее представляющий собой антиутопию. Цель доклада – проанализировать текст повести и выяснить, в какой мере описанное М. Козыревым советское общество 1950-х годов соотносится с реальностью позднего сталинизма (и в целом с режимом И. В. Сталина), а также определить, чем повесть является в большей степени – предсказанием или же обдуманым прогнозом, сделанным на основе тенденций, уже имеющихся в обществе 1920-х гг.

Иоанна Альбертовна Ковалева (Москва)

Образ железной дороги в поэзии Серебряного века (на примере пяти стихотворений)

Мы хотели бы рассмотреть образ железной дороги в поэзии Серебряного века как продолжение традиционных русских мифов, как языческого, так и христианского происхождения, предполагая, что семантическое значение связано с этимологическим самого словосочетания «железная дорога». Мы посмотрим, как противоречия мифопоэтического сознания людей начала двадцатого столетия отразились на восприятии нового явления для того времени – железнодорожного сообщения, опираясь на произведения поэтов этого периода. Охватить всех, писавших о железной дороге в этот период – задача весьма сложная, поэтому мы остановимся на пяти стихотворениях, разных поэтических школ, которые смогли отразить тенденцию к созданию символического образа России – поезда.

В вагоне

Андрею Белому

Надо мною нежно, сладко
Три луча затрепетали,
То зеленая лампадка
«Утоли мои печали».
Я брожу ломая руки,
Я один в пустом вагоне,
Бред безумья в каждом звуке,
В каждом вздохе, каждом стоне.
Сквозь окно в лицо природы
Здесь не смею посмотреть я,
Мчусь не дни я и не годы,
Мчусь я целые столетья.
Но как сладкая загадка,
Как надежда в черной дали,
Надо мной горит лампадка
«Утоли мои печали».

Для погибших нет свиданья,
Для безумных нет разлуки,
Буду я, тая рыданья,
Мчаться век, ломая руки!
Мой двойник из тьмы оконца
Мне насмешливо кивает,
«Мы летим в страну без Солнца»,
И, кивая, уплывает.
Но со мной моя загадка,
Грезы сердце укачали,
Плачь, зеленая лампадка
«Утоли моя печали»

Эллис (1879–1947)

Первый класс: ковры, картины,
Стены – бархат, пол – паркет,
На столах лежат грудины
Книг, журналов и газет.
Электричество, буфеты,
Ром, мадера, коньяки,
Шоколадные конфеты,
Виноград и балыки.
От колес не слышно стука,
И кондуктор, что твой брат...
Нет гармошки русской звука,
Чинно, тихо ходят, спят.
Через хрусталь окон зеркальных
Горы, лес, луга видать...
Хорошо в вагонах спальных,-
Не езда, а благодать.
Класс второй: и здесь не плохо;
Мягко спит нога, рука;
Нет кеты, сельдей, гороха,
Дегтя, дыма, табака.
Пьяных мало, нет и брани
За занятые места.
Едешь будто в «эроплане»,
Нежит тихая мечта.
Третий класс: тут много хуже:
Пенье, крик, ругня... Содом...
На полах окурки, лужи,
И вонючий дым столбом.
Полный злости и досады,
Ждешь не сон, а страшный бред.
Вдруг сердитые бригады
Ташат, требуя билет...
Просят их: «Топите печи, -
У нас холодно, темно.
Свету нет. Зажгите свечи.
Ветер в двери и окно»...
Есть четвертый класс и пятый
(В глаз попавшийся сучок).
Едет в них, нуждой объятый,
Наш кормилец мужичок.

Григорий Калмыков, 1914 г.

В поезде

Мчится поезд с гулким грохотом,
Белым дымом шевеля,
И его встречают хохотом
Изумленные поля.
Мы в вагоне, словно мумии,
Истомленные теплом,
Все сидим, молчим в раздумии,
Кто-то мычется с узлом.
Поравнялся поезд с будкою,
Колыхнул зеленый флаг
И швырнул с тревогой жуткою
Свой короткий свист в овраг.
Закружился дико танцами
Белоствольный, стройный лес...
Вот опять блестит румянцами
Даль открывшихся небес.
Поезд длинной, темной белкою,
Содрогаясь на лету,
Пролетел над речкой мелкою
По железному мосту.
Вот домчался до селения,
Бросил искры в огород,
Бесшабашностью стремления
Удивил простой народ.
Мчится поезд. И волокнами
К нашим лицам липнет сон.
Дребезжит сердито окнами
Утомившейся вагон.

Дмитрий Богданов, 1908 г.

Я ехала домой, душа была полна
Неясным для самой, каким-то новым счастьем.
Казалось мне, что все с таким участием,
С такою ласкою глядели на меня.
Я ехала домой... Двурогая луна
Смотрела в окна скучного вагона.
Далекий благовест заутреннего звона
Пел в воздухе, как нежная струна...
Раскинув по небу свой розовый вуаль,
Красавица заря лениво просыпалась,
И ласточка, стремясь куда-то вдаль,
В прозрачном воздухе купалась.
Я ехала домой, я думала о вас,
Тревожно мысль моя и путалась, и рвалась.
Дремота сладкая моих коснулась глаз.
О, если б никогда я вновь не просыпалась...

Мария Пуаре (1863–1933)

На поезде утром

Посвящается В.П. Гейдебурову

Воздух и окошко, добытые с боя...
Желтая береза между темной ели,
А за ними небо светло-голубое
И хлебов грядущих мягкие постели.
С призраком дыханья паровоз докучный

Мчится и грохочет мертвыми громами,
А душа природы с ласкою беззвучной
В неподвижном блеске замерла над нами.
Тяжкому разрыву нет конца ужели?
Или есть победа над враждою мнимой,
И сойдутся явно в благодатной цели
Двигатель бездушный с жизнью недвижимой?

Владимир Соловьев, сентябрь 1896

Елена Николаевна Ковтун (Москва)

Предвидение как предчувствие: миры и смыслы посмертного бытия в славянской фантастике XX–XXI вв.

Прогнозирование обычно считается прерогативой научной фантастики. В данной сфере без труда можно вспомнить блестящие предсказания во многом определивших облик XX в. изобретений (лазер, роботы, новые технологии и материалы), сделанные А. Н. Толстым, К. Чапеком, Я. Вайссом, или же размышления о грядущем социуме И. А. Ефремова, А. и Б. Стругацких, С. Лема, В. Парала и других фантастов. Однако прогностика в определенной мере доступна и «волшебной соседке» НФ – фэнтези. Она проявляется в ней не в форме рационально обоснованного пролонгирования процессов и тенденций современности, как в НФ, но в форме художественного пророчества, опирающегося на эмоционально окрашенное предчувствие и предвосхищение мастерами слова трансцендентного опыта – в частности, опыта посмертия, т. е. продолжения бытия человеческой личности за пределами земной жизни. Эти пророчества у разных авторов порой демонстрируют черты удивительного сходства. В докладе на материале произведений российских и русскоязычных (С. Логинов, М. Галина, М. и С. Дяченко, В. Аренев, Д. Громов и О. Ладыженский), а также инославянских (О. Токарчук, Я. Гжендович, Д. Кужел, С. Ковачич) писателей предполагается рассмотреть основные версии посмертных судеб литературных персонажей и проанализировать различные концепции смысла загробного существования, равно как и извлекаемые из него нравственные уроки.

Анастасия Андреевна Конева (Москва)

Моральные ориентиры человека будущего: «В конце остается слово» Ивана Ивани

Обращение писателей второй половины XX века к антиутопии объясняется целым рядом социальных и политических обстоятельств того периода. Многие философы, социологи и литературоведы соглашались с тем, что основной функцией литературной антиутопии является прогностическая. В докладе планируется проанализировать с этой позиции роман-антиутопию югославского писателя Ивана Ивани «В конце остается слово» (Ivan Ivanji, “Na kraju ostaje reč”, 1980).

Время действия в романе перенесено в будущее, удаленное от нас на 10000 лет. Это в определенной степени служит средством уменьшить актуальность и реалистичность авторских прогнозов. Однако хочется отметить широкий круг затрагиваемых автором проблемных вопросов, среди которых социальная роль искусства, гуманность медицины, информационная революция, институт семьи, роль индивидуума в обществе. В результате такого комплексного

подхода автор рисует образ человека будущего, который должен определить для себя новые моральные ориентиры, что во многом актуально для человека XXI века.

Алексей Юрьевич Колянов (Санкт-Петербург)

Калиостро в славянских литературах первой половины XX века

В литературе первой половины XX века в славянских культурах проявился особый интерес к личности графа Калиостро. К образу авантюриста обратились чешские авторы модернистских направлений Иржи Карасек из Львовиц и Феликс Ахилл де ла Камара. В русской литературе того времени Калиостро стал героем прозаических произведений Н. А. Энгельгардта, М. А. Кузмина, А. Н. Толстого, И. С. Лукаша, а также упоминается в лирике М. Цветаевой (в цикле стихотворений «Плащ») и В. Набокова (в стихотворении «Через века»). В этот период мировых войн и судьбоносных революций Калиостро обретает амбивалентные черты трикстера и изображается уже не только как персонаж исторического романа или приключенческого произведения, но и как герой модернистского текста, архетип, включенный в вымышленные сюжеты, которые отдалены не только от реальных исторических событий, но и от канонического мифа о известном авантюристе.

Полина Владимировна Королькова (Москва)

«Большая тема, до сегодняшнего дня не раскрытая: попрошайки из варварских окраинных стран в больших городах феодальной гражданской Европы»: М. Крлежа и герои современной хорватской литературы в европейских столицах

Запись Мирослава Крлежи в дневнике от 28 июня 1942 года как никогда актуальна сегодня. В докладе речь пойдет о героях новеллы М. Ерговича «Buick Rivera» (2002) и романа Дамира Каракаша «Прекрасное место для того, чтобы быть несчастным» (2009) – о диалоге, который вольно или невольно выстраивается между авторами современных текстов и классиком хорватской литературы. Этот диалог стоит рассматривать в рамках попыток хорватской культуры осмыслить себя в европейском пространстве, определить свое уникальное место. В этом отношении можно наблюдать, каким образом идеи авангарда и зенитистская концепция «варварогения» трансформируются спустя столетие, не утрачивая своей актуальности.

Наталья Михайловна Куренная (Москва)

Футуристические мотивы в поэме-фантазии Михася Чароты «Чырвонакрылы вяшчун» («Краснокрылый прорицатель»).

Михась Чарота (1896–1937) – белорусский поэт, один из основателей литературной группы «Маладняк» (1923). Творчество Чароты, убежденного сторонника коммунистических идей, отмечено новаторскими поисками собственного, отвечающего времени, оригинального языка. Поэма-фантазия «Краснокрылый прорицатель» – образец белорусского футуризма и, в определенной мере, имажинизма. Несомненно, что поэзия Чароты создавалась под самым непосредственным влиянием творчества В. В. Маяковского.

Любовь Викторовна Левшун (Минск)

Православное Возрождение в Литовской Руси – эпоха пророков

Брестская уния 1596 г. привела к цивилизационному разлому, который прошел по самому телу Православной Церкви литовской «руси» и выразился в противостоянии православного «простого люда» (при участии небольшой доли оставшейся в Православии шляхты) и изменившей вере предков церковной иерархии. Это противостояние породило короткое, но яркое «православное возрождение» в конце XVI – первой половине XVII в. По сути это была последняя концентрация оставшихся сил в виду грозившей «руси» полной потери культурной идентичности в Речи Посполитой. Такие ситуации разрешаются эпохами пророков. Так было в ветхозаветный период; так было в Византии времен Вселенских соборов; так случилось и в РП в первые десятилетия после церковной унии. Самые яркие среди белорусских пророков В.-К. К. Острожский и «птенцы гнезда Константинова»: виленский Свято-Троицкий иеродиакон Стефан Зизаний, виленский Свято-Духов архимандрит прп. Леонтий (Карпович), брестский Симеоновский игумен прпмч. Афанасий (Филиппович). Все они связаны исторической и духовной преемственностью. Всех их можно назвать «русинскими пророками», которые – каждый согласно своему пророческому призванию – возвестили судьбу литовской «руси» и перспективу общественного и политического обновления Речи Посполитой.

Наталья Александровна Лунькова (Санкт-Петербург, Москва)

«...Все точно так именно сбудется, как я говорю»: Ф. М. Достоевский о последствиях русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В выходящем в переломную историческую эпоху и игравшем важную роль в общественной жизни моножурнале «Дневник писателя» Ф. М. Достоевский уделяет большое внимание Восточному вопросу, природе вооруженных столкновений, роли России в освобождении славянских народов от османского владычества и другим ключевым для тогдашнего времени историческим аспектам. Проводя разграничение между войнами несправедливыми и справедливыми, к последним Достоевский относит русско-турецкую войну 1877–1878 гг., «неслыханную войну, за слабых и угнетенных, для того чтоб дать жизнь и свободу, а не отнять их». В докладе анализируется связь темы войны с особой религиозной и исторической миссией России, которая выступает для славянских народов не «госпожой», но «матерью», и прогнозы писателя относительно будущих отношений России с теми, кто избавится от владычества османов. По убеждению Достоевского, за свое освобождение – реализацию «материнского призвания» России – славянские народы не отплатят ей благодарностью, а, напротив, станут ее врагами.

Алексей Геннадьевич Ляпустин (Москва)

Прогностическая историософия Ф.М. Достоевского: социализм и христианство

Через всю историософию Ф.М. Достоевского красной нитью проходит пророческая мысль о том, как Запад, зараженный идеей социалистического равенства, взирает на православную Россию как на своего главного идеологического врага. Писатель в своем творчестве

неоднократно обращался к теме соотношения социализма и христианства. Ее значимость для него обусловлена, в частности, тем, что западники конституировали социализм как то общее, что признают и они, и славянофилы. У самого Достоевского усматривается следующая антиномия: «Социализм – то же христианство, но оно полагает, что может достигнуть разумом» и «...социализм и христианство – антитезы». Предлагаемый доклад имеет цель объяснить данное противоречие и продемонстрировать цельность позиции отечественного мыслителя по этому вопросу.

Дарья Олеговна Мартынова (Санкт-Петербург)

Влияние месмеризма на творчество Франтишека Купки и Альфонса Мухи

На рубеже XIX–XX вв. в искусстве наступает смещение дискурсивных границ различных феноменов, художники начинают тяготеть к лиминальным темам: сна, гипноза, медиумизма. Это можно связать с характерным чувством страха и тревоги эпохи *fin de siècle*, когда рушились старые концепции и формировались новые теории, связанные с телесностью, представлением о деградации и стагнации общества, переоценкой эстетических категорий в искусстве. Попытка преодолеть страх перед смертью, брэнностью плоти стимулировало обращение к мистическим практикам. Это также было связано с желанием разнообразить художественный язык и преодолеть кризис визуальности: яркий пример – символистский период чешского художника Франтишека Купки, который обучался на месмериста и использовал научные иллюстрации на тему этой паранаучной практики для того, чтобы перейти к абстракции. Введение себя в поле маргинального, обучение профессии гипнотизера или месмериста – это, в целом, стратегия художников 1910-х гг. Маргинальное поведение позволяло объяснять видение нереального. Так, для разработки образной системы собственного цикла иллюстраций «Отче наш» Альфонс Муха, член масонского общества, обратился к образам и сюжетам из научной иллюстрации, посвященной месмеризму.

Цель этого выступления – проанализировать рецепцию научной иллюстрации на тему месмеризма в творчестве чешских художников Франтишека Купки и Альфонса Мухи и ее роль в формировании новых образных систем и переходе к абстракции.

Георгий Павлович Мельников (Москва)

«Будущие завоеватели» – утопия чешского символизма (Отокар Бржезина и Франтишек Билек)

Исследуется одна из мифологем чешского символизма, созданная в начале XX в. поэтом и эссеистом О.Бржезиной и визуально воплощенная в 1930-е годы другом поэта скульптором Ф.Билеком в многофигурной композиции «Будущие завоеватели» (*Budoucí dobyvatelé*). «Будущие завоеватели» представляют собой новый вид сверхлюдей, которым принадлежит будущее. В отличие от ницшеанского сверхчеловека сверхлюди чешского символизма (сецесии) наделены не только героическими чертами. Они несут счастье всему человечеству, они опираются на силы Вселенной (чешский космизм), разрушая косное прошлое и созидая (завоеывая) светлое будущее. Возникает концепт космо-социально-антропологической утопии, соответствующей утопической прогностичности переломной эпохи XIX–XX вв.

Иоанна Антониевна Мирлас (Москва)

**Правдивость предсказаний и фатальность ошибочной надежды
в романе Ирины Одоевцевой «Оставь надежду навсегда»**

Ирина Владимировна Одоевцева (1895–1990) – представительница «Серебряного века», выдающийся писатель и поэт, более шестидесяти лет прожившая в эмиграции во Франции. Там же было создано большинство ее поэтических и прозаических произведений, пользовавшихся у читателей в свое время большой популярностью. На постсоветском пространстве Одоевцева известная прежде всего как автор мемуаров «На берегах Невы» и «На берегах Сены». Остальной объем ее литературного наследия на сегодняшний день мало популяризован. И, как следствие, малоизучен. К этой категории же относится ее послевоенный роман «Оставь надежду навсегда» (1945–1946).

Среди множества разнообразных векторов, в проекции расположения которых возможно построение научного исследования, особое место занимает феномен «Предсказания Мастера» – предвидения событий, разворачивающихся в пространстве романа: заката имперской России и становления и развития Советского Союза. Если многие события, происходящие в романе можно скептически свести к социально-политической осведомленности автора, то буквальный политический исход (в лице Великого Человека) и последующая смена власти не оставляют сомнений в действительности ее основных предсказаний.

Наталья Няголова (Велико-Тырново)

Пророк и пророчество в мифопоэтической структуре фильма „Иллюзия” (1980)

В докладе рассматриваются функции образа пророка Даниила в фильме «Иллюзия» (1980) режисера Людмила Стайкова. Несмотря на историческую основу фильма, связанную с событиями антифашистского восстания 1923 года в Болгарии, прочно усвоенного соцреалистической историографией и эстетикой как первый шаг борьбы со «старым миром», сценарист фильма, поэт Константин Павлов, решительно выходит за рамки идеологической интерпретации, создавая сложную мифопоэтическую картину присходящего. В фильме национальная трагедия представлена в двух проекциях – крушение идеалов болгарской интеллигенции и стихийная жертвенность крестьян. Образ пророка занимает центральное место в этих двух сферах. Он воплощается в двух главных героях фильма (поэт Кирилл и сельский мудрец Данила), получающих мифопоэтическую мотивировку.

Анна Юрьевна Пескова (Москва)

**Будущее словацкого народа в антиутопиях эпохи реализма
(Терезия Вансова и Мартин Кукучин)**

Размышления о настоящем и будущем своего народа – это, вероятно, главная тема, волновавшая словацкую интеллигенцию на протяжении всего XIX в. (да и позднее тоже). Вся литература словацкого реализма, в первую очередь, сосредоточена именно на теме судьбы словацкой нации и пути ее развития. Даже за простыми историями из жизни словацкой деревни

или городского общества, за описаниями семейно-бытовых ситуаций или конфликтов между представителями разных социальных групп в конечном итоге стоят раздумья о положении словаков в австро-венгерском обществе, об особенностях национального характера и опасения за будущность своего народа.

На фоне уже хорошо изученных произведений словацких реалистов второй половины XIX в. выделяются два малоизвестных текста, которые по своему жанру являются антиутопиями и при этом, кажется, могут сказать даже больше о культурной ситуации и настроениях в Словакии того периода, чем произведения из так называемого «первого ряда». Это повесть Терезии Вансовой «2888» (1887) и неоконченная проза Мартина Кукучина «Теленок» (ок. 1895–1898), в которых авторы неожиданно выступают в роли строгих и безжалостных критиков словацкого общества. Оба писателя ставят словакам один общий диагноз – отсутствие единства и сплоченности, что в одном случае (в повести Т. Вансовой) ведет к истреблению словацкого народа соседним венгерским, а в другом – к самоуничтожению через раскол и неспособность договориться (в тексте М. Кукучина).

Интересно рассмотреть и жанровое своеобразие этих произведений, которые в этом отношении также очень сильно отличаются от прочих текстов эпохи словацкого реализма: повесть Вансовой явно приближается к жанру научной фантастики, а антиутопия Кукучина несет в себе черты философского трактата, а отчасти даже памфлета.

Филипп Алексеевич Ровенский (Москва)

***Top Lista Nadrealista* как «горевестники» Югославского кризиса**

В 1981–1992 гг. повсеместную и прежде невиданную для юмористической программы популярность в СФРЮ получило сараевское радио-, а впоследствии телешоу *Top Lista Nadrealista*. Производимая субкультурным движением *новых примитивистов* программа под воздействием стремительно меняющейся социальной ситуации и личных притеснений со стороны боснийской номенклатуры прошла путь от локального сараевского и абстрактного абсурдистского юмора до культурно-политической сатиры на возрастающие националистические настроения. Во втором (1989–1990 гг.) и третьем (1991–1992 гг.) сезонах в *TLN* появляются скетчи и даже целые выпуски с антиутопической картиной будущего общества Югославии 1990-2000-х, образовавшегося в результате бесконечных кровопролитных войн. Многие снимавшиеся в абсурдистском ключе сценки в последующие годы реализовались метафорически, а некоторые даже достаточно буквально. Сами же деятели нового примитивизма в новой реальности сами заняли четкие националистические позиции, которые ранее отчаянно высмеивали: разделенные войной между Сараевом и Белградом артисты попытались представить свои идеологически противоположные продолжения *Top Lista Nadrealista*.

Ольга Сергеевна Румянцева (Москва)

Образ современного предсказателя в польской прессе (по материалам Национального корпуса польского языка)

В докладе будет представлен опыт описания образа современного предсказателя в польской лингвокультуре: на материале публицистического подкорпуса Национального корпуса

польского языка проанализированы лексемы *wróźbita* и *wróźka*, ‘предсказатель’ и ‘предсказательница’, *jasnowidz* и *jasnowidzka*, ‘ясновидящий’ и ‘ясновидящая’, *astrolog* ‘астролог’, *numerolog* ‘нумеролог’ и их окружение. Проводится статистический анализ исследуемых лексем, прослеживается динамика их частотности. Языковой материал организуется в тематические группы. Выявляется смысловое наполнение образа, выделяются признаки лексем и их коннотации.

Александра Всеволодовна Семенова (Москва)

Наказы и предостережения в мифологической картине мира кашубов

Народные поверья, несущие в себе рекомендации или предостережения, составляют существенную часть представлений, зафиксированных в фольклоре, в том числе кашубском. «Сетка» ориентиров, которую набрасывает на мир язык, пронизана прогнозами, регулировавшими поведение представителей этноса на протяжении веков. В наше время мы скорее узнаём о существовании таких прогнозов из литературы, нежели из повседневных практик. В сегодняшнем докладе я хотела бы показать систему рекомендаций и предостережений кашубской народной культуры в том виде, в каком она предстает перед исследователем, а также перед «наивным» туристом или гостем, желающим узнать больше о кашубском регионе и его автохтонах.

Представляется целесообразным разделить источники сведений о народных поверьях с прогностическим компонентом на филологические описания, включая лексикографические источники, культурологические исследования, в центре внимания которых история и ценности кашубского этноса, а также современные научно-популярные описания в (электронной) прессе, где сведения о культурном своеобразии различных этносов ложатся в общую канву описания регионов и стран с целью привлечения внимания туристов и, возможно, участников экономической жизни региона.

Рекомендации и запреты касаются как бытовой и сельскохозяйственной сферы (в частности, прогнозы, касающиеся погоды или будущего урожая), так и этапов человеческой жизни.

Лев Аркадьевич Трахтенберг (Москва)

Роман Н. Н. Шелонского «В мире будущего»: фантастика и современность в 1892 г.

Роман Николая Николаевича Шелонского «В мире будущего» сегодня почти забыт, и, наверное, заслуженно. Тем не менее он достоин внимания благодаря тому месту, которое занимает в истории русской фантастики. Разумеется, произведения, в которых изображался мир будущего, в отечественной литературе были и раньше. Но на новом этапе развития фантастики – в конце XIX века, уже после того, как популярность завоевали произведения Жюль Верна, книга Шелонского оказалась одним из первых русских романов такого типа. Эта книга интересна даже не тем, как в ней реализованы жанровые конвенции (здесь автор едва ли оригинален), а тем, какой образ будущего он предлагает читателям – и как этот образ будущего связан с миром настоящего. Об этом и пойдет речь в докладе.

Прогностические прозрения в «Истории будущего» Адама Мицкевича

«История будущего» – неоконченное произведение Адама Мицкевича, известное лишь по нескольким сохранившимся фрагментам и пересказам современников. Известно, что его замысел поэт обсуждал, начиная с 1829 г., и неоднократно возвращался к нему по крайней мере до конца 1830-х гг. Сохранилось лишь два отрывка, написанных, по мнению польских исследователей С. Пигоня и С. Скварчиньской, в 1831 и 1832-1833 гг. и объединенных в одну рукопись в 1835 г.

В докладе мы остановимся на основных составляющих футурологического прогноза и их историческом и литературном контексте. Основопологающим здесь безусловно является сам культурный феномен провидения, или пророческого дара, которым пронизано творчество Мицкевича. Предсказывание, связанное с даром импровизации, являлось для Мицкевича одновременно основным подходом к познанию, определенным состоянием духа, способом самовыражения и даже методом чтения лекций. В период лекций Мицкевича о славянских литературах в Collège de France пророчество оказалось вписанным в общий контекст романтического стиля преподавания истории (Ж. Мишле, Э. Кине), соединяющего науку, религию и политику.

Мы обратимся к элементам научной фантастики, содержащимся в первом, известном лишь в изложении А. Одынца, наброске «Истории будущего». Он был создан не без влияния русской утопической мысли во время пребывания поэта в Петербурге. Рассмотрены будут также социальные прогнозы, содержащиеся в этом тексте (преобладание в Европе желтой расы, трансформация гендерных ролей). Обновление Европы предсказывалось и в отрывках, датированных 1831-1835 гг. Образ будущего у Мицкевича включал общеевропейскую революцию и войну федерации свободных народов против монархов. Имена ее вождей говорят об их немецком, украинском и венгерском происхождении. Именно украинец Дидко руководит вооруженными силами восставших, и по его приказу казнят прусского короля. Это позволяет сделать вывод, что царская Россия подверглась распаду, а Украина обрела независимость. Можно усмотреть здесь также общность с прочно вошедшими в польскую романтическую традицию пророчествами полубогатыря Мусия Вернигоры. В польском контексте они символизировали возрождение независимой Польши, а также идею польско-украинского братства в борьбе с самодержавной Россией.

Татьяна Ивановна Чепелевская (Москва)

«Моделирование будущего с учетом уроков прошлого» в словенской утопической прозе XIX в.: «Абадон» Я. Менцингера (1893)¹

Появившиеся в последней четверти XIX века сразу несколько произведений, в центре внимания которых оказывались самые разные утопические прогнозы и проекты, стали отражением общественно-политических событий, как в Европе в целом, так и в словенских землях того времени особенно. Вместе с тем, их появление знаменовало значительное расширение жанровой палитры словенской прозы, что отражало важный этап «автономизации словенской литературной системы» (М. Дович). Каждое из вновь появившихся сочинений,

¹ Цитата для названия статьи взята из высказываний Митио Каку (род. 1947), американского футуролога, популяризатора науки: «Моделирование будущего с учетом уроков прошлого – одна из причин, по которым человечество обрело разум».

авторами которых являлись знаменитые писатели и известные общественные деятели (Й. Стритар «Девятая страна»; А. Махнич «Индия Командия»; Я. Трдина «Откровение»; И. Тавчар «4000»; Й Менцингер «Абадон»; С. Шубиц «Пагубный кумир мира» и др.), в той или иной степени перекликалось с предыдущим и, в свою очередь, давало импульс новому обращению к утопической проблематике.

В докладе основное внимание будет уделено роману Я. Менцингера (1838–1912) «Абадон» (1893). Первоначальный замысел как романа воспитания вскоре перерастает его рамки, благодаря введению в качестве сюжетобразующих утопических мотивов, а также сказочных, мифологических элементов и даже детективных историй. Все это затрудняло жанровое определение «Абадона» («аллегория», «народно-воспитательная повесть», «антиутопия» и др.), хотя исследователями он признается самым значительным произведением словенской утопической прозы XIX в. (А. Слодняк, Д. Байт и др.).

Создав, благодаря «говорящим картинам» (VII–X главы), кажется, счастливое общество будущего, писатель развенчивает его бездуховность, неприятие истинной веры: утопия становится антиутопией. При этом, опираясь на каноны классической утопии, Я. Менцингере постоянно нарушает ее границы: и в очевидной привязке повествования о будущем «рае» к словенскому этническому пространству, и в создании ужасающей картины будущего всего человечества – в виде рожденного на развалинах Европы и Азии нового идеального государства в результате победы современных варваров. Это, в свою очередь, определяет (дидактическую в своей основе) попытку автора представить возможные пути преодоления будущей катастрофы.

Также предполагается вынести на обсуждение вопрос о возникающих в разные годы дискуссиях о жанре утопии (так, у словенцев подъем интереса к нему отчетливо проявился в конце 1970-х – начале 1980-х гг.). Возможно, и сегодня можно говорить о возвращении интереса к этому жанру (о чем может свидетельствовать наша конференция и научная конференция в Екатеринбурге «Предсказания и пророчества в литературе». Памяти проф. В. С Рабиновича» 13–14 октября 2023 г.)

Людмила Федоровна Широкова (Москва)

Альтернативная история Словакии в романе М. Гворецкого «Таити»

Михал Гворецкий (р. 1976) выделяется в ряду писателей среднего поколения социальной ориентированностью и публицистичностью своих произведений, использованием в них постмодернистских приемов, элементов дистопии. В романе «Таити» (2019) он представил картину альтернативного развития истории Словакии после Первой мировой войны, когда весь народ под руководством своего вождя, генерала М. Р. Штефаника, был вынужден переселиться на остров Таити, где и обрел новую родину. Экзотика местной природы и мифологии сочетается в ее изображении с проблемами радиоактивного загрязнения окружающей среды и социального неблагополучия.